

А.В. Громов (Санкт-Петербург)

РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ДЕЛА ХИВЫ, БУХАРЫ И КОКАНДА (ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКИХ ИСТОЧНИКОВ)

В настоящее время в коллекциях Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи содержится значительное количество материалов и документов по продолжительной боевой эпохе так называемых Туркестанских походов русской армии начиная с 50-х гг. XIX столетия. Часть этих материалов представляет собой трофеи, захваченные в Хивинском походе 1873 г. или при взятии многочисленных укрепленных пунктов, принадлежавших тогда Коканду и Бухаре.

Эти предметы (в том числе артиллерия) чрезвычайно своеобразны и позволяют историку проследить основные этапы развития местных армий вплоть до момента организации самых первых подразделений регулярной пехоты (цеших сарбазов) и постепенного упразднения архаичных и совершенно неэффективных (иррегулярных по своей сути) формирований средневековья. Ведь начиная с 1820-х гг. (то есть задолго до столкновений с Ак-Мечетью) и до падения Самарканда (1868) местные ханства произвели весьма значительные реформы в военном деле.

В частности, в армиях Бухары и Коканда довольно быстро образовался ряд регулярных подразделений местной пехоты, организованных и обученных при содействии европейцев (в том числе русских и англичан). Да и хивинцы также пытались преодолеть это серьезное отставание от соседей в военной сфере.

Успехи и неудачи этих попыток стран Средней Азии завести у себя регулярную артиллерию и пехоту взамен отсталых и архаичных формирований прежней эпохи были отмечены на страницах русских источников (от мемуарной литературы до полковой исто-

риографии). Связать эти документы с материальными источниками той эпохи (трофейная артиллерия и оружие из коллекций ВИМЛИВиВС) и рассказать о технической стороне вопроса — это задача вполне посильная для историка.

Стоит отметить, что, несмотря на обилие интереснейших образцов артиллерии Средней Азии¹, эта тема была практически не раскрыта. Восполнить эти пробелы можно, используя материалы ВИМАИВиВС и некоторых других музеев С.-Петербурга².

Об эволюции военного дела стран Средней Азии в ту эпоху (в том числе о частях их артиллерии) и предстоит теперь рассказать подробнее.

О состоянии военных формирований Хивы в начале XIX столетия свидетельствует источник: «Народ хивинский при всей своей хищности, не воинствен, хотя хан, на случай войны, и мог в то время выставить до 20 000 худо вооруженных воинов, но они не знали никакого воинского устройства»³ и, как показывал опыт боевых столкновений с регулярной русской пехотой, не в состоянии были сражаться с нею на равных⁴.

При этом артиллерия Хивы в этот период состояла из десятка с небольшим орудий, весьма тяжелых и неудобных в передвижении. Порох хивинский был крайне плох, а большинство из туземных боеприпасов не подходило к артиллерийским стволам, ввиду чего местные ядра или гранаты обматывали бараньей шкурой или обычным войлоком⁵. Как отмечает сам автор, все эти сведения добывались, по большей части, расспросами бывших пленных.

В этот период разбой хивинцев, и еще чаще туркмен, стали настолько дерзки, что в 1836 г. они сумели захватить вооруженный 4-пушечный бот со снаряжением и командой⁶. Затем, с 50-х гг. XIX в., к этим разбоям подключаются и кокандцы. Всего за несколько лет набегов они угнали до 150 тыс. голов скота и лошадей у «наших» киргизов и приступили к военным действиям против русских⁷. Только бухарцы в этот период держались мирно и интересов северного соседа старались в целом не задевать.

О состоянии войск Коканда и Бухары в самом начале и в середине XIX столетия можно судить по запискам русских военных или участников экспедиций в Среднюю Азию. Так, русский путешественник Е.К. Мейендорф в своих записках (1826) пишет о том, что в Бухаре имеется «два вида гвардии: одна, состоящая из 220 человек в звании офицеров, называется *махрамы* и может быть

сравнима с нашими пажками; другая, состоящая из 500 солдат, именуется *кассабардары*»⁸.

На тот момент армия Бухары могла насчитывать до 25 тыс. *сипахов* (наемная кавалерия) и до 50 тыс. чел. из контингентов подвластных эмиру беков.

Уже к 30-м гг. XIX столетия в бухарской армии имелись следующие звания: *дах-баши* (десятник); *чур-агасы* (унтер-офицер); *юз-баши* (сотник); *чу-ран-баши* (лейтенант); *пансад-баши* (командующий пятью сотнями); *туксаба* (командующий полком); *курган-беги* (бригадный генерал); *дадха* (командир нескольких полков); *парваначи* (командующий войсками).

Вооружение было достаточно примитивным: сипахи были вооружены финскими ружьями (типа афганских *джазалией*), довольно длинной и острой пикой (причем нередко оснащенной крюком) и саблями, чаще железной, но хорошо отпущенной в ходековки⁹.

У ополченцев также были пращи, редко луки и многочисленное по типам ручное оружие: *батыки*, *айбалты*, кинжалы. Этим оружием, в том числе и пращами, бухарцы пользовались умело: при обороне русскими Самарканды (май 1868) местные пращники постоянно вели огонь по защитникам цитадели и зачастую не позволяли им даже высунуть головы¹⁰.

У регулярных подразделений луки и стрелы к 60-м гг. XIX в. уже практически исчезают (упоминаний о них в источниках нигде нет), но у В.В. Верещагина есть картина «Бухарский лучник», явно написанная с натуры около 1868 г., возможно, после «сидения» в Самарканде (рис. 1).

Довольно многие из бухарцев использовали коль-

Рис. 1. Бухарский лучник (с картины В. Верещагина)

чути (они едва доходили до пояса)¹¹ и круглой формы щиты из воловьей кожи¹². Часть кавалерии применяла и шлемы самых различных конструкций, напоминающие персидские. Ни о каком подобии униформы в этот период не приходится говорить, и от обычного обывателя войны отличались лишь тем, что носили чалму яркого цвета.

Что же касается артиллерии, то она была в удручающем состоянии. По утверждению Мейендорфа, в войске эмира насчитывалось не более дюжины старых пушек, из коих от силы четверть была готова к употреблению. Хотя лафеты и были поставлены на три колеса, тем не менее, были достаточно тяжелы и довольно малоподвижны¹³. И.В. Виткевич, ездивший в Бухару незадолго до Мейендорфа, упоминает о старой русской трофейной пушке в двух-трех старых мортирах, доставленных туда персами¹⁴.

Вместо лафетов малокалиберной артиллерии могли использоваться выюки, а в описаниях очевидцев встречаются сведения о «верблюжьей артиллерии» и мелких пушках, *хатайги*, которые использовались с седла¹⁵. По описаниям это очень похоже на артиллерию кочевых арабов или те легкие полевые пушки, что применялись в Османской

Турции еще в XVII в. (рис. 2).

Именно в этот период в Бухарском ханстве вводится должность начальника артиллерии, *топчи-башы*.

Войска Коканда в этот период принципиально не отличались от войск бухарцев, но регулярные части (сарбазы) там появляются еще позже, чем в Бухаре, а артиллерия мало развита. Речь следует вести о двух десятках разнокалиберных пу-

Рис. 2. Выючная пушка (по книге: Л. де Марсильи. Военное состояние Оттоманской империи. СПб., 1737. Лист XI. Ч. II. С. 20)

шек, имевших крайне дурную матчасть (лафеты многих орудий напоминали больше колоду или бревно)¹⁶ и примитивную принадлежность¹⁷. Эта особенность артиллерийской матчасти в войсках кокандцев была практически неизменной и в середине XIX столетия и поддавалась на изменения с трудом. Даже к моменту занятия русскими крепостей Токмак и Пишпек (1861) их артиллерия составляла желать лучшего: по замечанию русских военных специалистов, «кокандцам было неоткуда перенимать те улучшения, которые бухарцы заимствовали у англичан»¹⁸.

Но столкновения с частями наших кавказских и оренбургских линейных войск (они, по сути, начались еще задолго до занятия Ак-Мечети отрядом генерала Перовского) быстро заставили Бухару и ее соседей поторопиться с модернизацией своих армий. Большую помощь им оказали в этом турки и персы, а еще позже и англичане, периодически засылавшие агентуру через Кавказ и Афганистан¹⁹.

Частично сказалось и ограниченное знакомство местных народов с русским военным искусством — благодаря, по преимуществу, беглецам из русской армии, таких было много еще у персов (в 1820-е), либо солдатам из числа русских пленных. Именно эти люди и обучали впоследствии регулярные части Коканда и Бухары.

К весне 1868 г. эмир бухарский располагал весьма солидной военной силой. Его войска состояли из 12 батальонов пехоты (сарбазов), 150 орудий (в том числе нарезных), от 20 до 30 сотен кавалерии, что означало, что в регулярных войсках Бухары состояло от 10 до 12 тыс. пехоты, 2–3 тыс. кавалерии и до 1½ тыс. артиллеристов. Эти войска эмир бухарский содержал почти постоянно с 1865 г. Всего эмир располагал 50 тыс. бухарцев, из которых до 30–40 тыс. чел. составляли иррегулярные ополчения²⁰.

Кроме того, эмир всегда имел под рукой своих союзников шахрисябцев, число которых доходило до 50 тыс. чел. Все это были иррегулярные части (в основном конница), однако и шахрисябцы, и их соседи китабцы представляли собой превосходных всадников и первоклассных стрелков. Они в любой момент могли явиться к Ура-Тюбе или Самарканду, используя Шагристанский проход, который летом почти на всем протяжении был открыт и доступен для движения на повозках или арбах. Но артиллерии в Шахрисябзе было немного, и все орудия были мелких калибров²¹.

Точная дата появления регулярных войск в Бухаре и Коканде доподлинно неизвестна, однако можно говорить о том, что в Бухаре они появились еще в первой половине XIX столетия. Русский источник сообщает: «Регулярные войска в Бухаре, кажется, заведены в первой половине настоящего столетия, отцом Сеид-Музаффары, Насыр-Уллою, часто воевавшим с соседями и одерживавшим над ними почти постоянные победы»²². Те навыки и приемы, которыми овладели к этому периоду войска Бухары, «заимствованы частью от персов, афганцев и турок, частью от наших здешних войск»²³.

При отце Сеид-Музаффары формированием и обучением регулярных бухарских войск занимался беглец из Персии, паиб Абдул-Самед, «который по-селлся в Бухаре, спасаясь от виселицы, за преступления, совершенные им в Персии и Индии. Только в одном Кабуле ему не повезло, и он поплатился ушами за какое-то злодейство»²⁴.

Подразделения регулярной пехоты (пешие сарбазы) имели огнестрельное оружие только на первую шеренгу. Обычно это фитильные, кремневые, частью ударные, семидесятипудовые ружья с вилокобразным штыком и фитильные, кремневые и ударные пистолеты, с до крайности старыми, попорченными стволами, покрытыми голстым слоем ржавчины.

Вторая шеренга батальонов пехоты вооружалась, как правило, пистолетами, батиками²⁵, айбалтами²⁶ и пиками. Сверх того обе шеренги вооружались также холодным оружием, чаще саблями и пашками, чрезвычайно разного образца, не исключая русских трофейных. Время от времени попадались и револьверы разных систем, но от дурного ухода или небрежного обращения они часто ломались и выходили из строя²⁷, поэтому ни в Коканде, ни в Бухаре они серьезного распространения не имели.

Вооружение кавалерии в первой шеренге, как правило, составляли виштовки, фитильные, кремневые и частично ударные пистолеты, пики и сабли. Вторая шеренга имела при себе пистолеты, а также пики, батики, айбалты и сабли (рис. 3).

Вооружение рот, составлявших прислугу артиллерийских орудий, по преимуществу состояло из пистолетов и сабель или пашек²⁸.

Об униформе, что появилась в этот период, можно с уверенностью судить по существующим описаниям очевидцев. Форму сарбазов уже к началу 60-х гг. составляла чалма ярко-белого цвета,

красная, синяя или темно-зеленая куртка с оловянными или медными пуговицами; белые широкие полотняные штаны и сапоги или галоши (ичиги). При этом большая часть курток изготавливалась на вате, «так как средне-азиатцы в частном быту и летом носят халаты на вате, спасающей их от жары»²⁹.

Организация их войск в 40-е и 50-е гг. XIX столетия существовала как будто без изменений, но батальоны пеших сарбазов стали делиться на постоянные по составу роты, взводы и полувзводы. Сотни конных сарбазов делились на взводы.

Все крупные соединения в Бухаре и Кокандском ханстве, как правило, возглавляли отдельные командиры из числа беков, назначаемых сверху. Роты и батальоны пехоты (как, впрочем, и артиллерию) возглавляли обычно русские из захваченных в плен солдат или дезертиров. Также бывало, что командирами ряда мелких подразделений становились даже кушцы, долго жившие среди русских и нахватывшие от них всевозможных, весьма отрывочных сведений по боевой подготовке российской армии³⁰.

Несколько батальонов было обучено по афганским или турецким уставам, но большинство по примеру русских. Стоит отметить и то, что уже в самый разгар конфликта (к началу 70-х гг. XIX столетия) даже преступников из числа каторжан, убежавших с сибирской каторги, начали привлекать к обучению войск эмира.

Из наиболее знаменитых «военспецов» той эпохи особенно интересен пекий Осман - урядник Сибирского казачьего войска, бежавший в Коканд еще в начале 60-х гг. XIX в. До бегства он служил

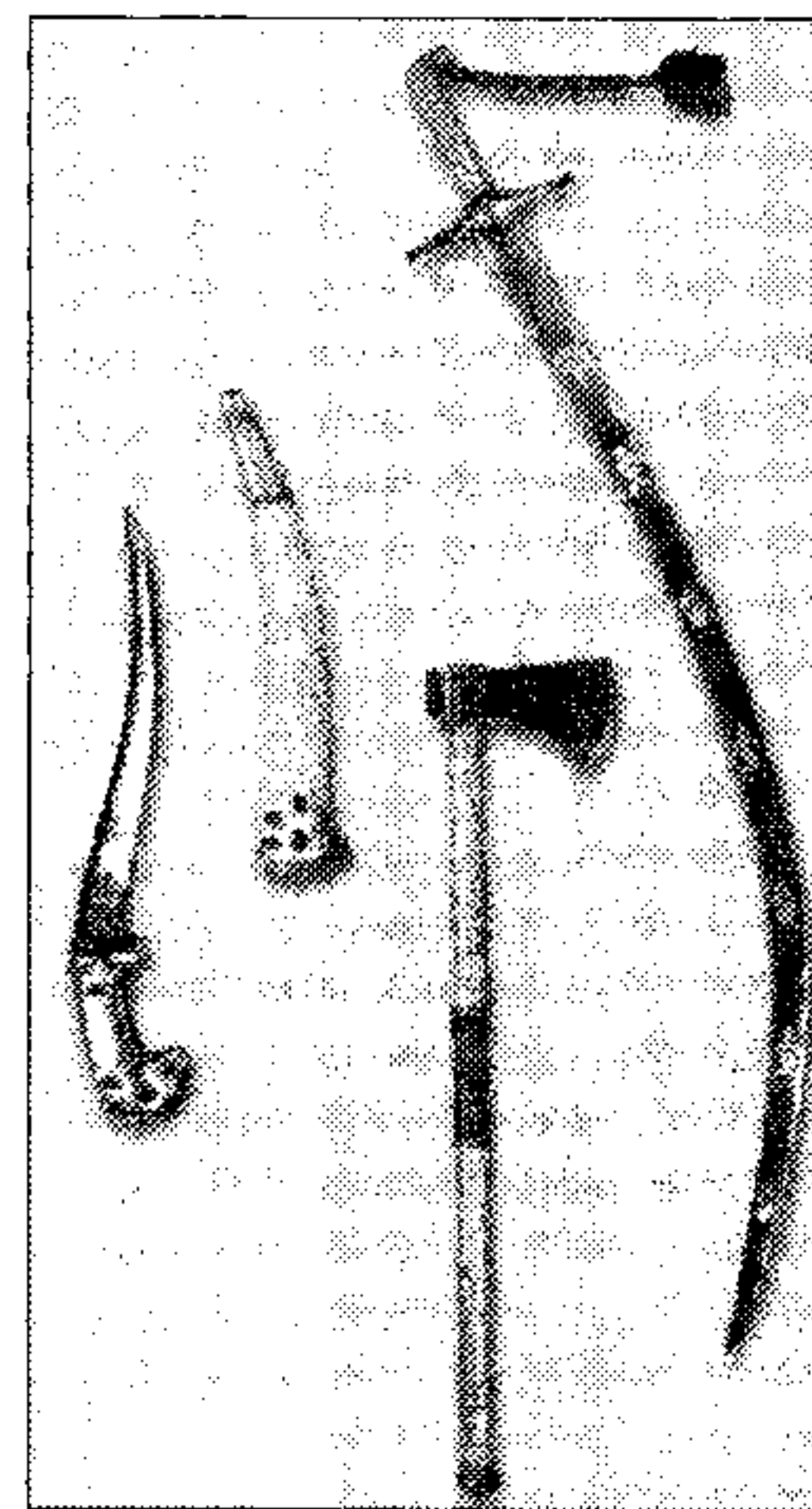

Рис. 3. Холодное оружие Средней Азии из коллекции Российского этнографического музея

в одном из образцовых полков, но затем отсидел срок в тюрьме и еще дважды за частые нарушения дисциплины был прогнан сквозь строй.

Карьеру в Кокандском ханстве он начинал еще при мулле Алимкуле, который, заметив его талант к военному делу, заставил его обучать сарбазов, а после поручил командование над небольшим отрядом пехоты³¹.

Обученные им сарбазы впервые действовали в 1864 г. в деле под Ак-Булаком, где войско кокандцев атаковало небольшой русский отряд, высланный из г. Туркестана под начальством капитана генерального штаба Мейера, с целью соединения с главными силами генерала Чернышева³².

Под Ак-Булаком (14–15 июля 1864) кокандцы под непосредственным командованием Османа впервые довольно стройно атаковали наш отряд, залегший за бруствером, сделанным из верблюжьих и конских туш, выдерживали по семи залпов картечью и подходили к самому брустверу на 15 сажней³³. При этом и артиллерия неприятеля также продемонстрировала высокий уровень подготовки: войскам из отряда Мейера пришлось вскоре соснимать с колес все зарядные ящики, а большинство даже приконить, так как огонь трех неприятельских пушек (они стреляли с холмов) сосредоточивался на них³⁴.

Большая часть гранат неприятеля разрывалась при выходе из ствола, и потому кокандцы стали пользоваться ядрами³⁵. Затем одну из пушек кокандцев удалось сбить, но остальные были расставлены так умело, что сбить их русским не удалось: наши орудия располагались внизу, под холмами, а все высоты над русским лагерем контролировал неприятель. После двух дней интенсивных боевых действий кокандцы все-таки были отброшены.

Тот же Осман поучаствовал и в событиях под Иканом (4–6 декабря 1864). Отряды конных сарбазов неоднократно выходили на путь отступления казаков и, спешиваясь, встречали их выстрелами. Только отчаянное сопротивление смельчаков из уральской сотни позволило им сначала удерживать свой лагерь, а затем и пробиться к своим³⁶.

В 1865 г., когда генерал Чернышев взял с боем Ташкент, Осман, после гибели Алимкула, командовал значительной частью кокандского гарнизона. В том же году он участвовал в обороне Коканда от войск эмира бухарского. Бухарцы, захватив город, приговорили

Османа к смерти, но он сумел предложить им свои услуги по обучению новых войск для эмира.

Начав карьеру почти с нуля (ему поручили лишь 25 чел. сарбазов), он дослужился до чина бека и стал командовать 3 тыс. регулярной конницы. Он оставался одним из самых непримиримых сторонников продолжения газавата и постоянно высказывал эти взгляды. В конце концов он был захвачен в плен русскими и в 1870 г. расстрелян.

Впрочем, Осман вовсе не был первым, кто изменил военной присяге (он также принял со временем мусульманство), ведь до него небезызвестный Самсон-хан верно служил в войсках Фетх Алишаха³⁷.

Вообще к началу 1868 г. в Бухаре было до 30 русских солдат, каждый был персонально представлен эмиру, который лично распорядился выдать ему новую бухарскую форму (обычно куртку красного цвета) и палку для обучения. При этом ему вменялось в обязанность почаще бить подчиненных палкой, иначе беки, что наблюдали за обучением пехотинцев, приказывали бить палками его самого³⁸.

Так, еще в 1869 г. один из беглых солдат-артиллеристов за слишком мягкое обращение с подчиненными был часто бит палками по спине. Причем на все его оправдания, что он артиллерист и в обучении пехотинцев не понимает, ему всегда отвечали: «Ты русский, значит, должен все знать, что касается до обучения сарбазов»³⁹.

Впрочем, и палка порой оказывалась бессильной: бухарские и кокандские часовые могли заснуть на своем посту или просто курить кальян и предаваться разнообразным развлечениям. Из-за беспечности караульных наши войска генерала Чернышева легко проникли в Ташкент⁴⁰.

Для обучения регулярных подразделений в Бухарском ханстве было устроено специальное военное поле (сарбаз-хана), куда практически ежедневно выводились на занятия кавалерия и пехота. Причем пехоту заставляли маршировать под музыку на плацу и выполнять приемы с ружьем по 5 часов кряду. Эмир Бухары лично приезжал на сарбаз-хана два раза в неделю смотреть, как маршируют его сарбазы⁴¹.

Упомянувшиеся уже не раз «ополченцы», как правило, выходили в бой в обычных чалмах и ватных халатах, перепоясанных широким платком, поверх которого надевалась сабля и иногда писто-

лет. У кого было ружье, по преимуществу очень старое, с фитилем, вокруг пояса был намотан и сам фитиль, отчего «раненые сторают или терпят жестокие мучения, когда горящий фитиль сообщает вате халата огонь, который раненые не в состоянии погасить»⁴².

У кого не было ружей, использовали батики, айбалты или пики, с которыми большинство населения освоилось в совершенстве. За неимением металлического доспеха местные жители надевали по два обычных ватных халата (довольно плотных, из толстой ваты), что защищало от рубящего удара шашкой, но уже не спасало от пули или штыка.

В Хиве оружие сарбазов было таким же, но и к началу 70-х гг. XIX столетия их общая численность не превышала 1 тыс. человек из батальона телохранителей⁴³. Орудий в Хиве также было немного, а общая численность войск хана не превышала 12-15 тыс. чел. По большей части, это были туркмены-йомуды, подвластные хану лишь номинально и восставшие лишь за свой интерес. Сопротивление их также было ничтожно слабым, и потому рассматривать их отдельно от войск Коканда и Бухары нет никакого смысла.

Из тридцати *новых* хивинских орудий, по-видимому, не сохранилось ни одного: из всех захваченных образцов (25 пушек и 2 мортиры) лишь два были отправлены как трофеи в Казалинск, еще 4 оставлены в укреплении Ново-Александровском и еще 2 были переданы в Мангышлакский отряд для дальнейшего их использования⁴⁴. Все остальные орудия (в том числе и чугунные) были оставлены как негодные, и об их участи ничего неизвестно.

Все, что мы можем сказать об их устройстве или особенностях матчасти, это лишь краткая констатация того факта, что в это время в Хиве уже стали преобладать 4- и 12-фун. пушки, более менее сходные по отделке своих стволов и лафетов⁴⁵ и иногда неплохого качества.

По крайней мере, в деле при Ходжейли было захвачено орудие местной выделки, весьма похожее на русскую 12-фун. пушку облегченного образца⁴⁶. По-видимому, оно было совсем новым и представляло собой последнее слово хивинской техники. Но вот гранат к таким орудиям в Хиве, как видно, не было вовсе, и во всех стычках из них стреляли лишь ядрами.

Кроме того, у хивинцев также использовались орудия очень мелких калибров, на манер фальконетов (и вышеназванных *хатай-зи*), часто стрелявшие не обычной свинцовой пулей, а крупной сеч-

кой из необкатанного свинца. Ранения такой сечкой в этот период упоминаются очень часто⁴⁷. Вообще же материальная часть, как и организация артиллерии, у хивинцев была, по сути, средневековой и уступала во всем Коканду и тем более Бухаре.

Да и по поводу бухарских артиллерийских орудий опять же следует подчеркнуть, что боевые характеристики, как и особенности матчасти, были повсюду весьма различны и зачастую крайне низки⁴⁸. Однако вскоре, после сражения при Ирджаре (8 мая 1866), качество пушек, как и военной организации артиллерии, в Бухаре возросло.

Так, на орудиях иногда появляются механизмы для возвышения и понижения дула орудия, чего раньше не наблюдалось, а их лафеты все более приближались к образцам европейской (английской) полевой артиллерии (рис. 4). Они имели классическую однобалочную конструкцию и зачастую были достаточно хороши.

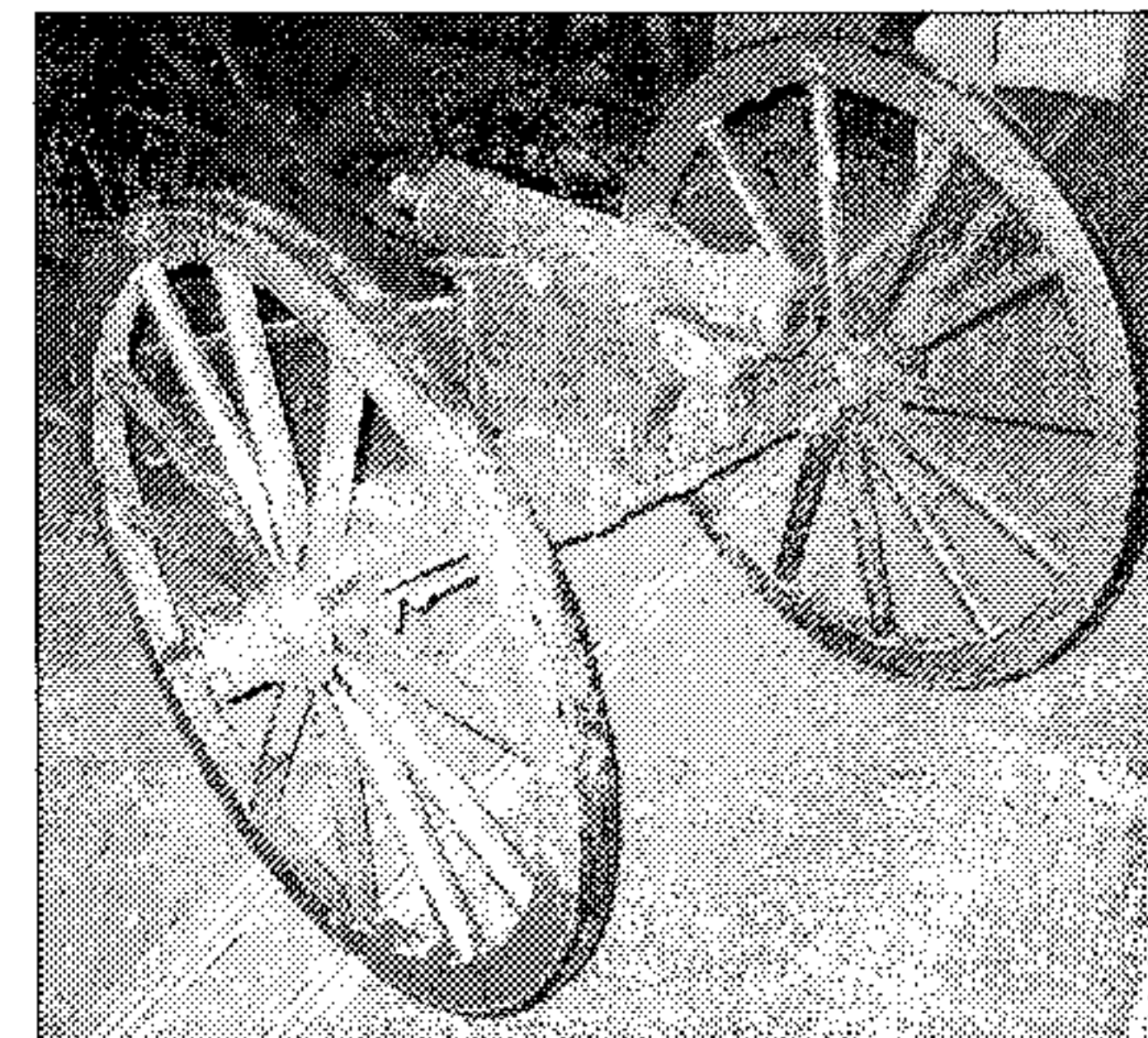

Рис. 4. Бухарское орудие с лафетом из коллекции ВИМАИВиВС

Однако наряду с этим как в Бухаре, так и в соседнем Кокандском ханстве еще во множестве сохранялись орудия предыдущей эпохи. Они по качеству отделки стволов куда более грубые, с примитивным устройством лафетов и откровенно кустарной системой прицеливания (обычные металлические пластины с грубо просверленными в них отверстиями).

По всей вероятности, ни в Коканде, ни в Бухаре не имелось общего плана развития артиллерии или тем более артиллерийского производства. Все неожиданные успехи в этом вопросе, что отмечают наши источники, связаны в первую очередь с англичанами⁴⁹ и афганцами⁵⁰. Впрочем, частично их обеспечило и наличие русских пленных, которых, правда, было немного.

Нововведения проводились чаще всего спонтанно, то есть от случая к случаю и, очевидно, не успевали сформироваться в систему, чтобы в дальнейшем развиться далее: так, принадлежность к орудиям, местный порох и вообще матчасть (в особенности лафеты и орудийные передки) были достаточно примитивны.

Как сообщают источники, «некоторые орудия, за недостатком лафетов, помещаются на двухколесных станках, на которых по бокам орудия установлены зарядные ящики, сделанные в виде шкапов, с выдвигаемыми ящиками, в которых горизонтально укладываются заряды»⁵¹. Однако эти лафеты были значительно эффективней, чем устаревший лафет-арба⁵² (рис. 5).

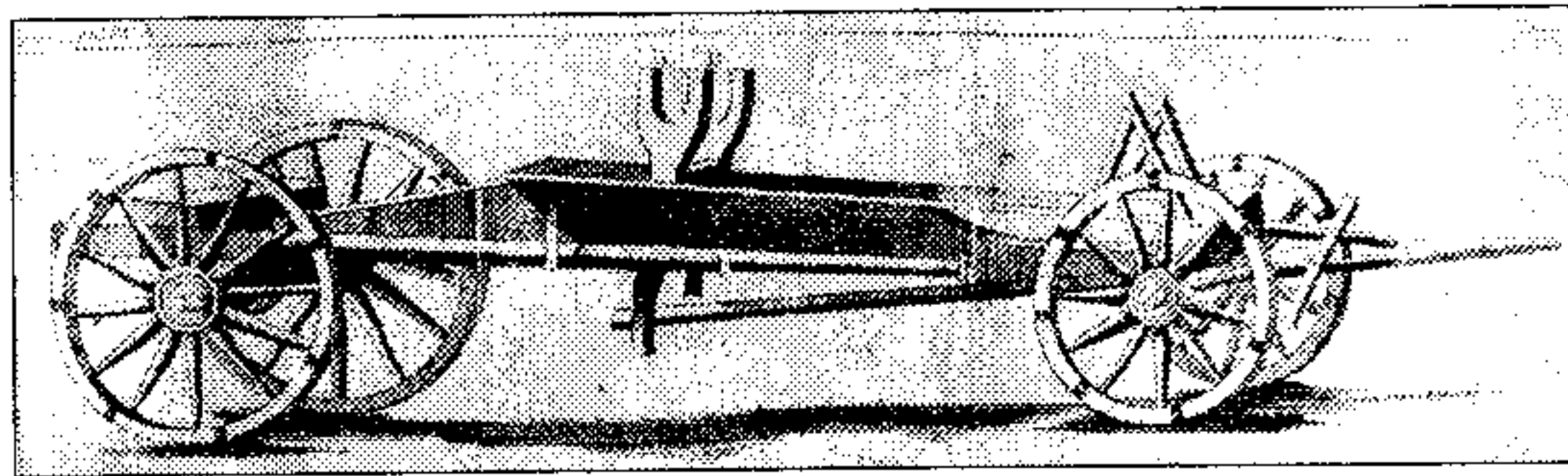

Рис. 5. Лафет-арба (по книге: Л. де Марсильи. Военное состояние Оттоманской империи. СПб., 1737. Лист X. Ч. II. С. 18)

Об общем уровне подготовки местных артиллеристов (*топчи*) лучше всего свидетельствует рассказ артиллерийского поручика Служенко (убит впоследствии в Самарканде): «Когда я подъехал к выстроенной на сарбаз-хана бухарской артиллерии, ко мне приблизился начальник артиллерии, беглый артиллерийский солдат, и вместо определенного приветствия, воскликнул: «Ваше высокоблагородие, не погубите!» – «Что такое?», спросил я его, удивленный этим восклицанием. – «Я только учил их: *жай, да пли*», – отвечал начальник артиллерии. Обрадовав его похвалой, я продолжал смотреть и доложил эмиру, что артиллерия его в порядке»⁵³. Примерно так же многие наши, из числа плененных нижних чинов, действовали в Коканде: учить туземных артиллеристов против своих же русских единоплеменников соглашались всерьез немногие⁵⁴. Со стороны же афганцев, а также персов или тем более англичан, о саботаже при подготовке войск для эмира речи не шло.

Аналогично модернизацию своих войск (хотя и с меньшим для них успехом) производили тогда кокандцы. Как пишет сам генерал

Черняев: «Не представляйте себе кокандцев такими, какими они были в Пишпеке и т.п.; у них руководители не хуже наших, артиллерия гораздо лучше, доказательством чего служат нарезные орудия, пехота вооружена штыками, а средств гораздо больше, чем у нас»⁵⁵. Ряд нарезных кокандских орудий местной отливки русские войска захватили уже в Чимкенте (1864), но, к сожалению, ни одно из таких орудий до нас не дошло, известно только, что заряжались они не с казны, а исключительно с дульной части⁵⁶.

Что же касается до бухарской нарезной артиллерии, то ситуация здесь совершенно иная. Ее упоминания в документах до нас практически не дошли, кроме свидетельства Н.Е. Бранденбурга, лично вписавшего в каталог АИМ одно такое орудие. По каталогу АИМ того времени оно числится под № 206: «Пушка бухарская медная, без датировки, *нарезная*, дульно-зарядная, без дельфинов, имеет прицел в виде колодки с прорезью и мушку».

На средней части вылит щиток с орнаментами, а на казенной начеканено: «Делал мастер Пир-Назар». Калибр 3,25 д. (82,6 мм); длина до торели 4 ф. 10 д., с торелью и винградом -- 5 ф. 6 д.»⁵⁷. Судя по имени Пир-Назар, это орудие было сделано уже в середине 60-х гг. XIX в. и представляло собой последнее слово бухарской техники. О его участии в дальнейшем (уже в XX в.) никаких сведений нет, и в современных каталогах музея оно не значится.

Кроме того, в это время, в связи с растущим давлением русских на Бухару, там продолжают модернизировать и устаревшую артиллерию. Модернизации подвергаются как лафеты, так и стволы⁵⁸.

В частности, Н.Е. Бранденбургом упоминается нетипичный для Средней Азии ствол небольшого размера пушки, изготовленной в Бухаре. По каталогу Н.Е. Бранденбурга он значится как экспонат № 202: «Пушка бухарская медная, без датировки. С *железным каналом*, без дельфинов и мушки, поверхность орудия не обточена, цапфы тонкие, длинные. Калибр 3,25 д. (82,6 мм); длина до торели 4 ф. 4,75 д., с торелью и винградом 5 ф. 1,75 д.»⁵⁹.

Судя по общему описанию, пушка также являлась дульно-зарядной, а упомянутый Н.Е. Бранденбургом канал был, по сути, не извлекаемым лейнером, предназначенным для того, чтобы грубо отделанные чугунные ядра (об их негодной отделке -- буграх и прочем -- неоднократно упоминают наши источники) не повреждали канал ствола. Также, из общих соображений, можно судить и о

том, что упомянутый выше «лейнер», был просто выкован из железа и вслед за этим залит сверху бронзой. О применении таких пушек ничего не известно, и, очевидно, их производство не было массовым.

В целом, усилия Бухары и Коканда по улучшению своих армий были бесполезны, хотя активное продвижение русских войск в Средней Азии и загоняло их в определенный цейтнот: возможностей (как, впрочем, и времени) для совершенствования матчасти их артиллерии и подготовки новых сарбазов, по сути дела, не оставалось. Хотя время от времени регулярные части кокандской или бухарской армии показывали отнюдь не худшую выучку.

Вот описание походного порядка бухарских войск 8 мая 1865 г.: «В первой колонне, следом за знаменем и муллой Алимкулом (он после взятия Коканда войском бухарцев был приглашен к ним на службу), шла артиллерия – 36 пушек под началом индийского офицера (видимо, дезертира из англо-индийской армии); за нею следом гвардия гулямов (легко вооруженных воинов), а затем полки: два полка ахан-пушей (в кольчугах), два – зрих-пушей (в латах), четыре полка йна-пушей (в зеркальных латах), два полка кулак-пушей (в высоких меховых шапках), наконец, два полка конных стрелков, вооруженных дальнобойными ружьями. В интервалах между полками двигались по две лошади с навьюченными малокалиберными орудиями для стрельбы сходу»⁶⁰. Что до указанных здесь дальнобойных ружей, то это явно упоминавшийся выше тип местных ружей (именовавшийся у туземцев *джазаль*), вроде того, что использовали афганцы, а выючная и верблюжья артиллерия (*хатайги*) была вообще характерна для большинства государств Средней Азии⁶¹.

Как видим, это была правильно построенная колонна вполне обученных и хорошо снаряженных регулярных войск, что подтвердилось и в столкновениях с русскими. Так, боевые порядки кокандцев всего одним днем спустя были построены очень грамотно: войска муллы Алимкула были расставлены по широкой дуге, образуя мешок. Опорными пунктами для позиции его войск были сделаны три 12-орудийных батареи, занявшие холмы, однако фланги, по неизвестной для нас причине, все же остались незащищенными.

По азиатским меркам это довольно большой успех в плане тактики и организации боя, но на войска генерала Черняева эти ма-

невыры подействовать не могли: противник был совершенно разбит и отброшен, а сам мулла Алимкул смертельно ранен в живот.

Именно с гибелью Алимкула большинство русских участников тех событий и связывало упадок в уже начавшейся было модернизации войск эмира⁶², но после некоторой заминки эти процессы снова возобновились, и результат их был налицо.

Уже в одном из очередных боев (2 июня 1868), что состоялся неподалеку от Зарабулакских высот, уровень подготовки бухарцев был чрезвычайно неплох. Специалисты подчеркивали целый ряд интенсивных, весьма настойчивых контратак бухарской пехоты, нередкие переходы к ближнему бою (в том числе к рукопашной) и очень грамотно проведенное отступление под прикрытием плотной цепи своих стрелков, что соответствовало канонам и европейской пехотной тактики⁶³.

Стоит отметить, что и в указанном деле на стороне бухарцев сражались два иностранных военспаса – упоминавшийся уже беглый казак Осман и командир ряда конных подразделений Хаджи, родом турок. Хотя сражение в очередной раз было выиграно русскими, но неприятель все же заставил себя уважать, и ряд бухарских подразделений (особенно артиллерия) действовал хорошо.

Качество пушек в этот период снова значительно возросло: после сражения на Чапанатинских высотах (12 мая 1868) русские даже не брезговали воспользоваться четырьмя орудиями бухарцев, употребляя их в чистом поле. Для этого было приказано положить их на более легкие и подвижные типы лафетов и подобрать к ним более подходящие ядра или гранаты⁶⁴. С последним были проблемы, так как орудия зачастую превосходили по качеству предназначенные для них снаряды⁶⁵. Так как у многих местных орудий были поломаны или отсутствовали подъемные винты, то для указанных четырех орудий было приказано приготовить подушки⁶⁶. Еще как минимум три бухарских орудия были использованы при обороне Самарканда (июнь 1868).

Это немного противоречит ряду критических замечаний в адрес туземной артиллерийской матчасти, но здесь не следует забывать, что все развитие регулярных военных формирований происходило здесь очень быстро, *неравномерно и под давлением неприятеля*, то есть русских.

Кроме того, культура обращения с оружием, а особенно сложным, была чужда архаичной, еще, по сути, средневековой менталь-

ности местных армий: с орудиями, лафетами и тому подобным обращались крайне небрежно. Переломить эту ситуацию до конца XIX столетия местным ханам не удалось.

В итоге участь регулярных подразделений в армиях Бухары и Коканда сложилась весьма различно: в частности, хану Коканда Сеид-Мухаммед-Худояр-хану не довелось завершить создание регулярных формирований и артиллерии в точном смысле этого слова. В ходе событий 1875–1876 гг. (восстание Абдуррахмана-автобачи) кокандская армия потерпела ряд поражений и перестала существовать. Последнее упоминание о кокандских сарбазах относится к 13 января 1876 г. (дело отряда генерал-майора Скобелева при Ассаке)⁶⁷.

Следом за этим, уже 29 января 1876 г., все силы ханства капитулировали. Уже 8 февраля того же года был занят Коканд, а 19 февраля 1876 г. была основана Ферганская область Российской империи⁶⁸. Эта же участь несколько ранее (29 мая 1873) постигла Хиву.

Что же касается Бухары, то ее армия поступательно развивалась и в тот период, когда Бухарское ханство попало под русский протекторат: уже на 1870 г. там вновь насчитывалось до 200 различных орудий, в том числе неисправных, и около 10 тыс. сарбазов⁶⁹.

В этот период для обучения местных войск были впервые отправлены подготовленные инструкторы из числа офицеров во главе с полковником К. В. Церпицким, а уже вскоре неподалеку от Бухары было налажено военное производство.

Так, например, к началу 1890-х гг. в Бухарском ханстве уже имелись артиллерийский (т. е. литейный) и пороховой заводы, где местными мастерами под руководством русских специалистов изготавливались медные и чугунные орудия, снаряды и порох к ним, а также винтовочные патроны и капсули⁷⁰. В самой бухарской цитадели на тот момент находилось «до 20 больших медных единорогов, до 40 медных горных орудий и до 15 мортир разного калибра»⁷¹ (рис. 6). Многие родственники эмира, как и он сам, стали считаться офицерами Русской императорской армии и проходили своеобразную стажировку в ее рядах. Кроме того, двое последних правителей Бухары также числились в Терском казачьем войске⁷².

К началу 1905 г. в бухарской армии появились также два легких горных орудия обр. 1883 г., подаренные эмиру Николаем II, а в 1909 г. бухарцам передали еще две таких пушки⁷³. С определенного момента русские передали бухарцам и 1 тыс. почти новых винто-

вок Бердана (первая партия поступила уже в 1883 г.) и до 100 тыс. патронов к ним.

В этот момент вся армия Бухары состояла из 2 рот гвардейцев (*джиляу*) общим числом до 600 чел. и 13 батальонов сарбазов (по 5 рот в каждом), что составляло 14 тыс. человек. Вся кавалерия делилась на два разряда: существовало 20 полков *галабатырей* (около 10 тыс. чел.), а также 8 полков конных стрелков (*кассабардаров*), имевших по одному фальконету на двух человек⁷⁴.

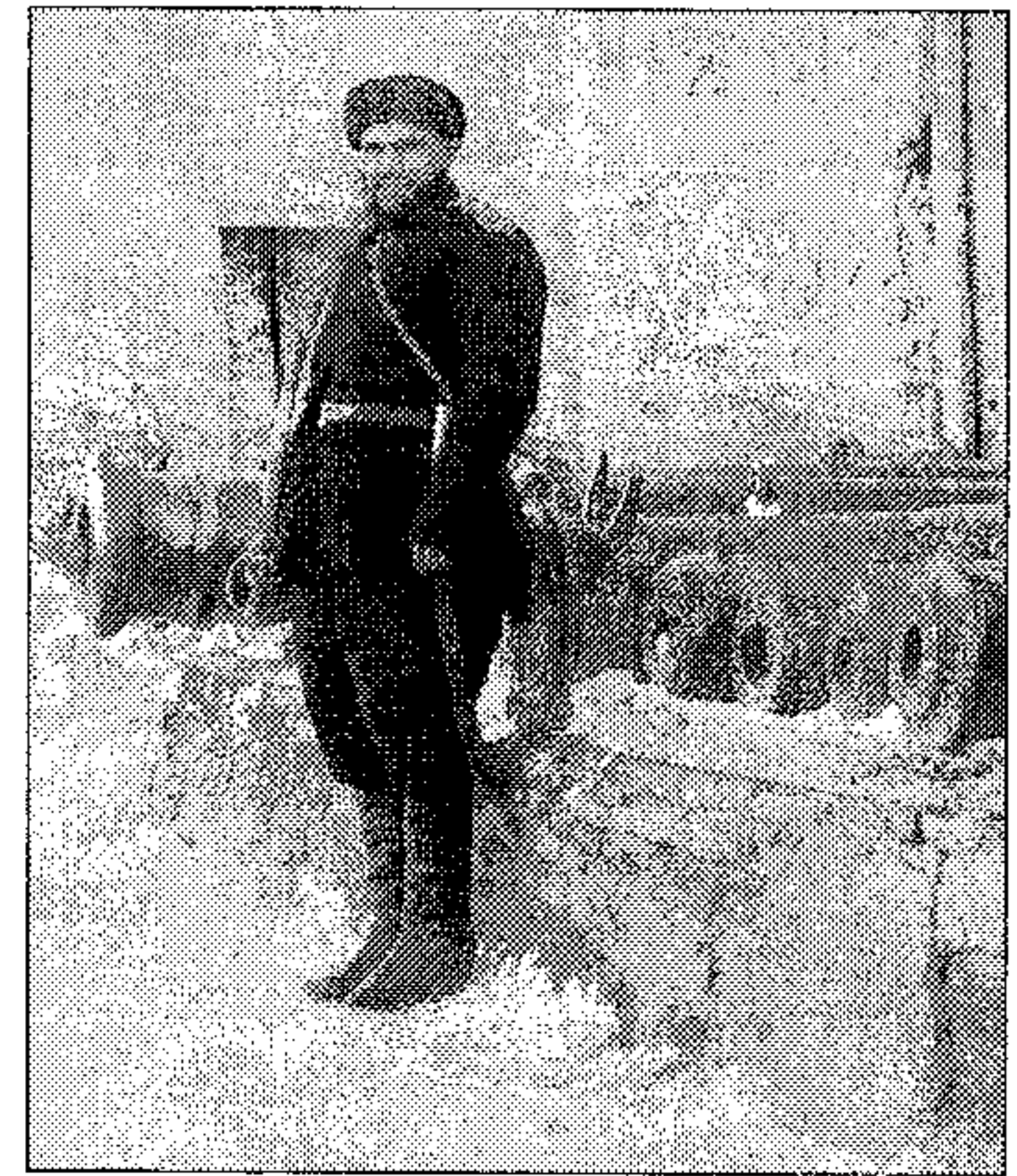

Рис. 6. Бухарский арсенал. Конец 80-х гг. XIX в.

Впрочем количество это неуклонно снижалось, и на начало 90-х гг. XIX в. организованные силы бухарцев не превышали 15 тыс. чел. Их подготовка при чрезвычайных усилиях русских инструкторов была крайне низкой и уступала по уровню регулярным войскам афганцев и даже персов⁷⁵.

Поэтому от кавалерии вскоре пришлось отказаться, и все ее полки были расформированы, а из тринадцати батальонов сарбазов было оставлено только десять. При этом их личный состав был резко снижен и доведен до четырех рот в каждом. Три батальона имели 4,2-линейные винтовки Бердана № 2, а остальные – 7-линейные ружья или винтовки сист. Крнка⁷⁶. Поставки новых русских винтовок (по преимуществу трехлинейек обр. 1891 г.) не покрывали всех нужд эмира. Они начались лишь в XX в. Впрочем, поставки эти осуществлялись довольно скупо и осторожно, так что к началу Русско-японской войны вооружение войск эмира радикально не изменилось.

Только позднее, в связи с Гражданской войной в России, бухарцы вновь получили возможность вооружаться у англичан. В этот период были закуплены пулеметы системы *Vickers Mk. I* и неплохие винтовки Ли-Энфилд обр. 1904 г., хотя закупки эти были невелики и 60 процентов местной пехоты вооружалось русским оружием устаревшего образца. Материальный, как и технический, уровень артиллерии Бухары в этот период не изменился.

В подобном качественном составе артиллерийские и пехотные части регулярных войск Бухары существовали до 1920 г., когда Бухарское ханство было упразднено и превратилось в Бухарскую Народную Советскую Республику (БНСР).

Остатки регулярных бухарских войск, что сохранили верность эмиру, сопротивлялись советской власти еще до марта 1921 г., но никакого положительного эффекта их действия иметь уже не могли: правительство Бухары перебралось в Афганистан, и само ханство прекратило существование. Очередная глава из истории независимой Бухары завершилась.

К середине XIX столетия армии государств Средней Азии развивались неравномерно и под давлением внешних факторов, которые зачастую были различны. Новые всяния и военные технологии, приходившие в Бухару через персов или афганцев (те и другие уже попали в сферу влияния англичан), с большой задержкой могли достигнуть Коканда и почти вовсе не задсвали Хивы, находившейся в явной географической изоляции. Ее пустыни и полудикие туркменские племена, напоминавшие племена бедуинов и промышлявшие грабежом, делали невозможным сколь-нибудь значимое влияние европейцев.

Лишь появление русских пленных и многочисленных дезертиров из англо-индийской армии, воевавшей в Афганистане – как отмечал сам лорд Робертс, их было много⁷⁷, – дало серьезный толчок для развития регулярных подразделений и артиллерии в регионе. Всего за сорок неполных лет армии Бухары и Коканда совершили качественный скачок из архаичных, средневековых по своей сути, формируемый до настоящих (хотя и третьеразрядных) войск современного типа. Вооружение европейского образца, что поставляли им англичане, и опыт первых боевых столкновений с русской военной силой стали серьезным толчком для развития их военного дела. Самой консервативной в военном плане, что объяснимо, была Хива.

Уже к началу 60-х гг. XIX столетия все источники отмечаю резко возросший уровень подготовки местных артиллеристов и совершенствование матчасти. В этот период уже отмечены проблески настоящей военной мысли в действиях конных и пеших сарбазов (бои вблизи Самарканда) и в применении артиллерии (особенно при осаде Джузаке и при атаке Ура-Тюбе).

Но вместе с этим все улучшения приносились всегда спонтанно и исчезали почти мгновенно, стоило только специалисту либо погибнуть, либо вернуться к себе на родину. Именно с гибелью муллы Алимкула и его преданного помощника из афганцев связано резкое понижение качества разрывных снарядов, изготовленных местными в Бухаре⁷⁸. Вообще преемственность в изготовлении артиллерии и подготовке сарбазов была еще крайне слабой, и зачастую все улучшения в этом плане им приходилось возобновлять с нуля.

Культура обращения со сложными образцами оружия (новые револьверы, винтовки и артиллерия) была не на высоте, почему они часто выходили из строя. Как отмечали многие очевидцы, оружие «азиятцев» (за исключением разве сабель) покрыто ржавчиной⁷⁹. Вообще все отношение местных жителей к войне и военному делу было, по сути, средневековым. Лишь после длительного общения с европейцами подобный взгляд на военную подготовку был постепенно преодолен.

Уничтожение независимости Коканда и Хивы положило конец их военным экспериментам, но в Бухаре они продолжались уже под русским протекторатом вплоть до начала Первой мировой войны. Войска Бухарского эмирата так и не стали перворазрядной военной силой и не имели никаких шансов при столкновении с европейцами, но, вероятно, были не хуже, чем всевозможные туземные контингенты из англо-индийской армии XIX столетия. По меньшей мере, они сражались вполне достойно, хотя и не были в состоянии задержать продвижение европейцев вглубь Средней Азии. Это сумели сделать только афганцы, дважды разбившие англичан в крупных войнах и подорвавшие их престиж на Востоке⁸⁰. Но так как русские наступали, переосмыслив этот печальный афганский опыт, как и ошибки войск генерала Перовского при походе на Хиву (1839), то повторить его жителям Туркестана было не суждено. Даже поддержка ряда британских специалистов, периодически появлявшихся в Туркестане и сопредельных с ним территориях⁸¹, не могла уже задержать этот натиск.

Россия довольно быстро завосвала полномасштабный контроль над территорией ряда стран Средней Азии. Проект Петра I наконец-то был в полной мере реализован.

- ¹ Громов А.В. Трофеи Туркестанских походов в коллекции ВИМАИВиВС / Война и оружие: новые исследования и материалы. Международная научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 года. Ч. 1. СПб., 2010. С. 160–176.
- ² Определенное количество трофеев из Средней Азии (как то: холодное оружие и т.д.) имеется и в собрании Российского этнографического музея.
- ³ Красноводский отряд. Его жизнь и служба со дня высадки на восточный берег Каспийского моря по 1873 г. включительно. СПб., 1890. С. 7.
- ⁴ Иванин М.И. Описание зимнего похода в Хиву в 1839–1840 годах. СПб., 1874. С. 37–38.
- ⁵ Там же. С. 37–38.
- ⁶ Лыко М.В. Очерк военных действий 1868 г. в долине Заравшана. СПб., 1871. С. 7.
- ⁷ Зайцев В.Н. История 4-го Туркестанского линейного батальона за период с 1771 по 1882 год как материал к описанию движения русских в Среднюю Азию. Ташкент, 1882. С. 13.
- ⁸ Мейендорф Е.К. Путешествие из Петербурга в Бухару. М., 1975. С. 134.
- ⁹ Заметка о бухарской и кокандской артиллерии и ручном огнестрельном оружии / Артиллерийский журнал. 1867. № 3. С. 511.
- ¹⁰ Лыко М.В. Указ. соч. С. 115.
- ¹¹ Мейендорф Е.К. указ. соч. С. 139.
- ¹² Там же. С. 53.
- ¹³ Там же. С. 140.
- ¹⁴ Михайлов... С. 303–304.
- ¹⁵ Заметка... С. 509–510.
- ¹⁶ Пшпек и кокандская артиллерия / Артиллерийский журнал. 1861. № 12. С. 718.
- ¹⁷ Там же. С. 721.
- ¹⁸ Заметка... С. 507.
- ¹⁹ Помимо этого Зайцев (С. 45) упоминает о европейском инженерере, укреплявшем Чимкент.
- ²⁰ Лыко М.В. Указ. соч. С. 28–29.
- ²¹ Там же. С. 29.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Батик – разновидность древкового оружия ударно-дробящего типа. По сути дела – дубинка с железным шаром, общей длиной до 1,5 м.
- ²⁶ Ай-балта – небольшой боевой топорик на длинной (до 70 см) рукояти.
- ²⁷ Заметка... С. 510.
- ²⁸ Лыко М.В. Указ. соч. С. 29–30.
- ²⁹ Там же. С. 30.

- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 31.
- ³³ Действие нашей артиллерии при Ак-булак / Артиллерийский журнал. 1865. № 2. С. 140–142.
- ³⁴ Там же. С. 140.
- ³⁵ Там же. С. 142.
- ³⁶ Хорошкин М.П. Геройский подвиг уральцев. Дело под Иканом 4, 5 и 6 декабря 1864 года. Уральск, 1895. С. 9–16, 19–28.
- ³⁷ Самсон-хан (он же Макинцев Самсон Яковлевич), бывший вахмистр Нижегородского драгунского полка, был дважды прогнан сквозь строй (последний раз при императоре Павле I – 2500 палок), в Персии принял ислам и занимался подготовкой сарбазов. Впоследствии получил должность хана, начальника Хойской области. Командовал батальоном *бахадеринов* (личной охраны шаха) и принимал непосредственное участие в боевых столкновениях с русскими. Уже к моменту заключения Туркманчайского мира (1829) его отряд дезертиров насчитывал до 3 тыс. штыков.
- ³⁸ Лыко М.В. Указ. соч. С. 31.
- ³⁹ Там же. С. 31–32.
- ⁴⁰ Романовский Д.И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. СПб., 1868. С. 166–167.
- ⁴¹ Лыко М.В. Указ. соч. С. 32.
- ⁴² Там же. С. 33.
- ⁴³ Гроссул-Толстой П.Л. Дела русского оружия и политики в Средней Азии. Одесса, 1871. С. 2.
- ⁴⁴ Лобысевич Ф.И. Описание хивинского похода 1873 года. СПб., 1898. С. 245–246.
- ⁴⁵ Там же. С. 212.
- ⁴⁶ Там же. С. 59.
- ⁴⁷ Там же. С. 132.
- ⁴⁸ Громов А.В. Указ. соч. С. 165.
- ⁴⁹ Пшпек и кокандская артиллерия. С. 719.
- ⁵⁰ Заметка. С. 511.
- ⁵¹ Лыко М.В. Указ. соч. С. 32.
- ⁵² Михайлов. Указ. соч. С. 303–304.
- ⁵³ Лыко М.В. Указ. соч. С. 33.
- ⁵⁴ Беспрецедентную стойкость и верность долгу выказал, в частности, бомбардир-наводчик 6-й батареи 21-й артиллерийской бригады Агафон Лазаревич Никитин, уроженец с. Кибарты Сувалжинской губернии, взятый в плен неприятелем в ночной вылазке при осаде Геок-тепе (30 дек. 1880). Он отказался сотрудничать с неприятелем и объяснить ему способ стрельбы из трофейных русских орудий обр. 1867. Текинцы выдергивали ему ногти, жгли кисти рук, отрубали пальцы, сдирали кожу, вырезывая ее полосами и, наконец, положили его на горящие уголья. Замученный ими насмерть, он умер молча, не нарушая присяги и не подвергнув новой опасности своих сослуживцев. Впрочем, и те из военнопленных, что соглашались под страхом смерти учить бухарских или кокандских артиллеристов, не проявляли в этом большого энтузиазма. Таких отъявленных ренегатов, как Самсон-хан или изменщик Осман, в этот период вообще были единицы.

- ⁵⁵ Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. Собрал полковник А.Г. Серебrenиков. Т. 17, ч. 1. Док. 246. С. 116.
- ⁵⁶ Даже у англичан в это время существовала проблема с прорывом пороховых газов через казенную часть орудия – казнозарядная пушка Армстронга обр. 1859, но эти пушки не поставлялись в колониальные части Индии, а до знакомства с русской полевой пушкой обр. 1867 оставалось еще несколько лет. Первые пушки местного производства, но заряжаемые с казны, появляются у бухарцев лишь в 1890-х как примитивная копия русских горных орудий обр. 1883. Одно из таких орудий (инв. № 010/132) хранится в фондах ВИМАИВиВС.
- ⁵⁷ Бранденбург Н.Е. Исторический каталог С. Петербургского Артиллерийского музея. Т. 3. СПб., 1889. С. 133–134.
- ⁵⁸ Заметка... С. 507.
- ⁵⁹ Бранденбург Н.Е. Указ. соч. С. 132.
- ⁶⁰ Соколов Ю.А. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965. С. 142.
- ⁶¹ Заметка... С. 509–510.
- ⁶² Там же. С. 511.
- ⁶³ Лыко М.В. Указ. соч. С. 109.
- ⁶⁴ Там же. С. 82, 99.
- ⁶⁵ Громов А.В. Указ. соч. С. 167.
- ⁶⁶ Лыко М.В. Указ. соч. С. 82.
- ⁶⁷ Военные действия против кокандцев в 1875–1876 гг. По официальным донесениям. СПб., 1876. С. 80.
- ⁶⁸ Там же. С. 85.
- ⁶⁹ Костенко Л.Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. СПб., 1871. С. 104–105.
- ⁷⁰ Гребнер А. Осады и штурмы средне-азиатских крепостей и населенных пунктов. СПб., 1897. С. 179–180.
- ⁷¹ Там же. С. 180.
- ⁷² Мир-Сеид-Абдул-Ахад-хан, эмир Бухарский (1885–1910) с 1895 был зачислен, *honoris causa*, генерал-лейтенантом в Терское казачье войско. Одновременно считался шефом 5-го Оренбургского казачьего полка; его преемник – Сеид-Амир-Мир-Алим-хан, эмир бухарский (1910–1920) был генерал-лейтенантом в Терском казачьем войске (начинал службу сотником). После свержения царя эмигрировал. Скончался в 1934.
- ⁷³ Логофет Д.И. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909. С. 71.
- ⁷⁴ Энциклопедия военных и морских наук. СПб., 1883. Т. 1. С. 552.
- ⁷⁵ Гребнер А. Указ. соч. С. 77.
- ⁷⁶ Логофет. С. 71.
- ⁷⁷ О дезертирах из англо-индийской армии см.: Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане. М., 1959. С. 108.
- ⁷⁸ Заметка... С. 511.
- ⁷⁹ Лыко М.В. Указ. соч. С. 29.
- ⁸⁰ Об этом см.: Халфин Н.А. С. 35–61, 106–134.
- ⁸¹ По данным русской военной разведки, крепость Чимкента буквально за год до ее штурма отремонтировал и частично улучшил не названный инженер-европеец (см. выше). Еще один европеец, по всей видимости – англичанин, погиб при обороне Джизака. – См.: Заметка... С. 507.